

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Судьба и гибель Оскара Уайльда

Л. В. Короткова

Короткова Людмила Васильевна – психоаналитический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, член Ассоциации специалистов психоаналитической психосоматики (АСПП), секретарь АСПП.

Общепринятый взгляд исследователей творчества Оскара Уайльда на его судьбу состоит в том, что писатель стал жертвой тех законодательно утвержденных норм в обществе, которые ограничивали человека как личность. В статье автор предпринимает попытку психоаналитически осмыслить биографию писателя и, опираясь на концепты современной психоаналитической теории, показать, что линия судьбы Оскара Уайльда определяется такими факторами, как психическое функционирование, трансгенерационная история и др. Общественная же мораль викторианской эпохи лишь проявила это, усилив внутренние противоречия человека.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, эстетизм, всемогущество мышления, нарциссическая проблематика, Андре Грин, «Портрет Дориана Грея», Гамлет, судебный процесс.

Путешествуя по Алжиру, Оскар Уайльд сказал Андре Жиду: «Мой долг перед самим собой – бешено развлекаться». Потом он добавил: «Не счастье, нет. Не оно превыше всего. Наслаждение! Надо всегда стремиться к самому трагическому» (Эллман, 2012, с. 515).

Мое первое знакомство с Оскаром Уайльдом состоялось в философской парадигме. Оскар Уайльд – один из главных представителей эстетизма. Эстетизм – преобладание прекрасной формы над содержанием, искусство ради искусства. И, хотя основоположником эстетизма являлся Уолтер Пейтер, под чье влияние Уайльд попал в годы учебы в Оксфорде, но именно Оскар Уайльд активно продолжал и развивал это направление.

Для эстета нет трансцендентного измерения, он полностью себя и свой взгляд перемещает в вещи, мир вокруг. Это очень наглядно проявлялось в денди. Денди – это эстет, но не в литературе или искусстве,

как Оскар Уайльд, а эстет в жизни. Это сведение себя к форме, которая превышает внутреннего содержания. Красота формы – главное, что есть и что есть смысл всего.

Для денди существуют только вещи, и он сам превращает себя в вещь, отрицая внутренний план. Для него нет личности. Личность для него – это поверхность, форма, статуя. Он как бы замирает внутренне. Иллюстрирующая это история: в Париже в сороковые годы XIX века была такая мода – выгуливать черепаху. Это минимум движения, минимум активности. Это застывшая форма. Он сам – застывшая форма, отражающаяся во взглядах. Форма, которая ловит взгляды, все для взгляда. Тема взгляда – одна из основных тем дендизма и эстетизма.

Оскар Уайльд был эстетом не только в литературе, но прежде всего в жизни. Он создавал эту самую форму, был тем, с кого рисовали, на кого смотрели, тем, кто эти взгляды принимал. Он диктовал моду в одежде, поведении, дизайне интерьера. Им продумывалась каждая мелочь, вплоть до зеленой гвоздики в петличке. Оскар Уайльд заявлял: «Мода – это я».

Несколько ярких штрихов из его биографии. Уайльда пригласили совершить турне по Америке, выступить с лекциями – надо заметить, что тогда еще не было ни «Дориана Грея», ни его сказок, ни пьес. Это был просто молодой человек, закончивший Оксфорд, но Уайльд был уже невероятно интересен сам по себе: его внешность, его речь производили сильнейшее впечатление на слушателей. Известна его фраза, произнесенная на таможне по прибытии в Америку, когда его попросили заполнить декларацию. Он тогда сказал: «Мне нечего декларировать, кроме своего гения!»

Его дар – красноречиво и убедительно говорить, обольщать речью – иллюстрирует такой момент. Как известно, против Уайльда был агрессивно настроен маркиз Куинсберри (отец Альфреда Дугласа, молодого друга Уайльда). И вот они случайно встречаются в кафе «Рояль». Уайльд приглашает маркиза за столик, общается с ним некоторое время. И маркиз подпадает под очарование Уайльда. «Неудивительно, что ты от него в таком восторге, – говорит он Дугласу. – Он чудесный человек» (Эллман, 2012). И, лишь придя домой, маркиз пришел в себя и вспомнил о своем негативном к нему отношении. Здесь на ум приходит ассоциация с Ричардом III, который смог обольстить своей речью леди Анну перед гробом ее мужа, короля Генриха VI, убитого Ричардом III. Оскар Уайльд явно обладал подобной силой и могуществом речи.

Все эти моменты, которые мы отмечаем при чтении биографии писателя, отсылают нас к теме нарциссизма.

Его исключительность, особенность, всемогущество мышления – это главное в проблематике нарциссизма. Андре Грин говорил, что для нарциссического субъекта характерно всемогущество мышления, которое проявляется через речь (Грин, 2021). И речь также участвует в подчинении мира. Именно это раскрывает в субъекте его нарциссический характер.

Роман «Дориан Грей», тема двойника, тема взгляда – это все мы относим к нарциссизму.

Читая биографию Оскара Уайльда, мы восхищаемся тем, как этот человек умел организовывать жизнь, сколько у него было энергии, сколько радости вокруг него было до какого-то момента. Такой животворящий нарциссизм, который заряжал. Я задавала себе вопрос, когда и почему возникает этот переход через некую черту, когда фактически эстетизм переходит в декаданс, когда наступают болезнь, разрушение, страдания, все, к чему в конце жизни пришел Уайльд. И не предопределен ли этот переход? И по сути, есть ли вообще переход? (Этот вопрос был интересен еще тем, что такое трагическое окончание жизни постигло не только Уайльда, многие апологеты дендизма и эстетизма, проживая блестящую, яркую жизнь, заканчивали ее печально. Как, например, законодатель мод, один из ярких представителей дендизма Джордж Браммел, нищим и страдающим психическим расстройством умер в психиатрической лечебнице.)

При освещении темы для меня было важно уделить внимание двум моментам. Первый – это нарциссизм. И второй момент – тот рубеж в биографии писателя, который венчает процесс суда, что могло за этим скрываться.

Начну с нарциссического момента. Сразу хочу подчеркнуть – у меня не было цели анализировать личность Оскара Уайльда. Можно сказать, что была попытка психоаналитическим взглядом посмотреть на биографию писателя и ответить себе на какие-то вопросы.

Рене Руссийон говорил: как мы можем отличить живой (позитивный) нарциссизм от паталогического? Как мы понимаем, где проявляется нарциссическая проблематика? Когда человек выстраивает отношения, и, если в этих отношениях он попадает в парадокс, т. е. когда отношения заставляют страдать, он чувствует их смертельный привкус, но не может отказаться, зная все это и понимая, не имея возможности выйти оттуда, тогда мы и сталкиваемся с нарциссической проблематикой.

Такие отношения были у Уайльда с Альфредом Дугласом. Много поклонников таланта Оскара Уайльда ненавидят этого самого Альфреда Дугласа – Бози, считают его виновником трагедии Уайльда. Но интересна цитата одного из главных биографов Ричарда Элмана: «Если бы Уайльда не свалил наземь Куинсберри, это, вполне вероятно, сделал бы кто-нибудь еще. Бездумное и не слишком тайное распутство, которому Уайльд предавался совместно с безудержным Дугласом, включало в себя немалое количество молодых людей. Любой из них мог причинить Уайльду неприятности» (Элман, 2012).

Уайльд как будто бы шел к этому – позору, отвержению, страданию. Это было поведение, если вернемся к Рене Руссийону, человека, который, имея некую вину, совершает какие-то действия, за которые он получает наказание.

Итак, встреча с Альфредом Дугласом. Кто он? Ему двадцать один год. Он студент Оксфорда. Молодой человек, достаточно искушенный в отношениях с мужчинами, до Уайльда у него было много подобных отношений. Встреча Дугласа с Уайльдом произошла, когда уже был написан «Портрет Дориана Грея», после того как Уайльд стал знаменитостью, кумиром молодых людей, эстетов. Альфред Дуглас сказал Уайльду,

что прочитал его роман девять или десять раз. Он был восхищен гением Уайльда, был восхищен им как писателем, как личностью. И именно он своим восхищением расположил Уайльда к себе, и на этом начали строиться эти отношения. Но что в этих отношениях было такое, из-за чего все пошло не так?

Ричард Эллман, один из самых ярких биографов писателя, пишет, что Уайльд быстро понял, что Дуглас не только красив, но вдобавок еще безответственен и неуправляем. «Нрав у него был бешеный. Про него писали современники, что он "явно сумасшедший (как, видимо, вся его семья)". Между приступами гнева Дуглас мог быть "чрезвычайно обаятелен" и "почти блестящ"» (Эллман, 2012). У него не было ничего своего, кроме амбиций.

Кто такой был Альфред Дуглас для Уайльда? Восхищенный его талантом поклонник? Двойник? Нарциссический объект? Размышляя над этим вопросом, я задумалась также о том, откуда нарциссическая проблематика могла возникнуть у Уайльда.

Итак, Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд.

«Оскар (мать называла его Оскар) и Фингал пришли из ирландских легенд, а О'Флаэрти было добавлено в знак почтения к семействам графства Голуэй, с которыми Уильям Уайльд был связан через свою бабушку О'Флинн. О'Флаэрти произошло от O'Flaithbherartaigh – имени кельтских властителей Западного Коннахта – и было самым голуэйским из всех голуэйских именовании. Знаменитая молитва голуэйских горожан звучала так: «Спаси нас, Господи, от бешеных О'Флаэрти!» (Эллман, 2012).

Родился 16 октября 1854 года в семье Уильяма Роберта Уайльд и Джейн Элджи, когда его брату Уилли было четыре года. Через три года после рождения Оскара родилась его сестра.

Мать Оскара была женщиной необычной. «Леди Уайльд ощущала, что рождена для величия, и не скрывала этого. Ее сын разделял это ощущение и всегда относился к ней с величайшим почтением, как если бы не она была его предтечей, а он ее. Ее мужу, отцу Уайльда, было присвоено рыцарское звание, давшее ей право именоваться "леди Уайльд"» (Эллман, 2012).

Она была известна как поэт, боровшийся в своих стихах за независимость Ирландии. Она говорила о себе, что ей нравилось «производить сенсации». И подтверждала это своими действиями. «Неумеренность во всем была ее сознательной линией поведения. В декабре 1848 года она писала: "Я хочу бешено нестись по жизни – не по мне эта законопослушная тихая поступь, о, моя дикая, мятежная, честолюбивая натура! Вот бы мне насытить империями ее аппетит, пусть даже и остров Святой Елены в конце". "Всякая добродетель должна быть активной, – заявляет она в другом месте. – Пассивных добродетелей не существует"» (Эллман, 2012).

В своем дублинском (а позднее лондонском) салоне она разила всех наповал своими все более и более диковинными нарядами, замысловатыми прическами и драгоценностями весьма внушительного размера и необычного вида.

Высказывания ее были под стать нарядам. Оскар Уайльд впоследствии напишет: «Где нет крайностей – там нет любви, а где нет любви – там нет понимания» (Эллман, 2012).

Она, поэтесса, вела себя экстравагантно: перепады настроения – от матери ребенок не получал адекватного постоянного ответа.

Мать Оскара долгое время не выделяла его среди своих детей, отношение ее к нему не было восторженным. В биографии есть письмо десятилетнего Оскара. Мать переслала Оскару не его, а рубашки его брата, в письме Уайльда матери читаем: «...Обе фланелевые рубашки, которые ты положила в корзину, – это рубашки Уилли; мои одна алая, другая лиловая, но пока еще слишком жарко, чтобы носить их» (Эллман, 2012). О чем это может говорить? О некоем безразличии со стороны мамы к сыну, Оскару. То есть это фрагмент, нюанс, но на который аналитик не может не обратить внимания, читая биографию писателя. Мы можем сделать предположение, что в семье существовала такая направленность – ребенок должен быть гениальным, чудесным, самым выдающимся из всех, и именно такому ребенку будет отдана любовь матери. Это питало Оскара, он должен быть лучшим, исключительным, тогда будет достоин любви. Но опять же это наше предположение. Уайльд – не пациент, он знаменитая личность, биографию которого мы читаем и делаем какие-то предположения.

Альфред Дуглас для Уайльда мог быть тем двойником («Портрет Дориана Грея»), той его частью, которая не увядала, которая была молода и красива, в которой Уайльд видел себя (достаточно посмотреть фотографии Альфреда и юного Уайльда – они очень похожи). И с другой стороны, это та часть Уайльда, которая позволяет себе быть такой, каким он хотел бы быть. Он даже восхищался тем, что Бози был страшный мот, мог позволить себе безумства. Уайльд не считался экономным джентльменом, но то, что делал Бози, для Уайльда было недопустимо и на бессознательном уровне желанно – это были как бы желания его второй половины, сверхнарциссической.

Ситуация с судебным процессом была не случайна и в силу семейной истории.

У Андре Грина есть работа «Hamlet-et-Hamlet» (Green, 2003). Мне хотелось бы сделать здесь очень важное, на мой взгляд, отступление и проследить за аналитической мыслью Андре Грина в этой работе. Это может быть важно для понимания судьбы Оскара Уайльда.

В трагедии Шекспира принцу Гамлету является Призрак отца, который говорит о том, что он был убит братом, дядей принца. Далее в пьесе разворачиваются события, и мало кто из зрителей обращает внимание на то, откуда и почему возникает образ племянника норвежского короля, принца Фортинбраса. Трагедия заканчивается тем, что гибнет Гамлет, его дядя, мать, погибают все наследники датского престола. Норвежскому принцу переходят их земли. О чем это? И даже сам Шекспир, как пишет Андре Грин, возможно, не до конца осознавал, о чем это. Есть какие-то бессознательные мотивы у автора, которые находят выражение в его произведении.

Итак, в начале трагедии Горацио сообщает о том, что у короля Дании, отца Гамлета, когда-то давно был поединок с норвежским королем, дуэль, по окончании которой проигравший должен был уступить все свои земли победителю. Все досталось доблестному королю Дании, который одолел своего противника. Слова Горацио подчеркивают совершенно законный характер этого присвоения. Норвежский король в поединке погибает.

Когда Призрак отца является Гамлету, он говорит о своих тяжких грехах, о том, что самое страшное в его убийстве было – умереть без покаяния в этих грехах.

И вот Андре Грин задается вопросом: что за страшные грехи на душе у датского короля, в чем он не успел раскаяться? И в ходе своего психоаналитического прочтения он приходит к выводу, что «первоначальное преступление – это убийство старого Фортинбраса доблестным королем Дании, которое произошло под видом "законной" дуэли. Каждый противник в том поединке, чтобы засвидетельствовать свое рыцарство, бросал жемчужину из своей короны в чашу другого, но датская жемчужина была отравлена. Ставка в битве не ограничивалась завоеванием норвежских и датских земель. Норвежский король жаждал именно Гертруду. И именно желание сохранить ее любой ценой заставило датчанина, как и его брата Клавдия позже и по тем же причинам, стать наемным убийцей» (Green, 2003).

Принц Гамлет, как об этом говорят служители кладбища в пьесе, родился в тот день, когда погиб норвежский король на дуэли. И гибель принца Гамлета на дуэли, которая изначально была нечестной – отравлена шпага, яд в вине, это как наказание, Страшный суд, который свершается над сыном за грехи отца. Гамлет погибает, потому что стал жертвой вины своего отца.

Как пишет А. Грин, «Шекспир позволяет нам бросить тень подозрения на дуэль отцов, которая произошла в день рождения Гамлета. Зритель пьесы считает прибытие Фортинбраса в день гибели Гамлета совпадением. Но разве это не Страшный суд, который заставляет Гамлета отдать свой голос сыну, ограбленному предательством его отца, короля Дании, требуя молчания о его никогда не раскрытом преступлении? Гамлет может не знать, но Шекспир не оставил этот вывод на волю случая, независимо от того, осознавал ли он, что имел в виду, или это было продиктовано ему его бессознательным. Результат есть, и произведение говорит само за себя, с согласия автора или без него» (Green, 2003).

Когда я читала биографию Уайльда, подобная параллель обозначилась для меня и в его судьбе.

Его отец Уильям Уайльд был врачом, основал больницу Св. Марка в Дублине. Об ухе и глазе, как пишет Ричард Элман, он знал, как никто в Ирландии и во всей Британии. Его больница была первой ирландской больницей, лечившей заболевания этих органов. Его книги стали учебниками. До сих пор применяется так называемый уайльдовский надрез при оперировании уха. (Я поинтересовалась в интернете, в одной из современных статей нашла описание хирургической операции, и там говорилось об уайльдовском надрезе.) В 1863 году он был назначен Королевским

глазным хирургом в Ирландии, а в следующем году удостоен рыцарского звания. Оскару тогда было одиннадцать лет. Событие это отмечалось в семье как важное и значительное.

Вскоре после этого одна из пациенток Уильяма Уайльда обвинила его в том, что во время приема он усыпил ее хлороформом и изнасиловал. Мэри Траверс, так звали молодую женщину, трудно было надеяться выиграть процесс. Вместо судебного преследования она принялась писать в разные газеты оскорбительные памфлеты. Леди Уайльд была уязвлена настолько, что отправила протестующее письмо отцу молодой женщины. И тогда Мэри Траверс подала на леди Уайльд в суд за клевету.

«Присяжные нашли обвинение в клевете справедливым, решив, что сэра Уильям небезвиновен. Однако суд не слишком высоко оценил поруганную невинность мисс Траверс, присудив ей в качестве компенсации сущую безделицу. Сэру Уильяму, впрочем, пришлось уплатить 2000 фунтов судебных издержек по делу жены. Говорили, что судебный процесс сломил сэра Уильяма Уайльда» (Эллман, 2012).

Суд мог оказать неизгладимое впечатление на сына, Оскара. Мы не знаем, что происходило в семье, как реагировала мать на ставшие достоянием публики измены отца, на все эти судебные разбирательства. Семья пережила позор. И когда Оскар приехал на учебу в Портору, то услышал, как там распевалась песенка о том, как врач обесчестил невинную девушку.

Вернемся к процессу Уайльда.

Как было уже сказано, в суд подал не отец Альфреда Дугласа. Вообще маркиз Куинсберри был скандальный, агрессивный человек. С ним развелась первая жена, мать Альфреда, из-за измен, он женился повторно, и вторая молодая жена тоже подала на развод, но уже с довольно унижительной для маркиза формулировкой – обвинила его в мужской несостоятельности. Для него это был нарциссический удар. Он увлекался боксом, любил смотреть на полуобнаженных боксирующих молодых мужчин, занимался покровительством, спонсировал выступления. Даже какие-то правила Куинсберри до сих пор в боксе существуют. Маркиз узнает о связи Альфреда с Уайльдом, которую они не скрывали, и не только не скрывали, а вели себя достаточно вызывающе по отношению к обществу, где это было запрещено. Буквально в 1885 году в Великобритании (Уайльду тридцать один год) была выпущена поправка к закону, в котором говорилось о том, что все действия мужчины с женщиной интимного характера будут караться уголовно. И на вопрос королеве Виктории, почему вы пишете только о мужчинах, она отвечала, что женщины на такое не способны. И на фоне всего этого нарушаются законы, это был риск. Не отец Альфреда, так другой мог обвинить Уайльда в этих грехах, тем более что приводились молодые мужчины, которые занимались и шантажом, и криминалом. Уайльд был постоянно на грани скандала.

К тому же у маркиза Куинсберри старший сын кончает самоубийством. Обнаруживается его тайная связь с министром. Маркиз решает защищать младшего от Уайльда и наносит ему оскорбление.

Уайльд подал в суд за оскорбление чести и достоинства, многие друзья говорили, что это неправильно, что суд будет не на его стороне. Но это уже было нельзя остановить.

И не видим ли мы здесь, что одна из причин этого поступка – вина, которую берет на себя сын за отца? И я задумываюсь над этим...

Когда мы у Элмана в биографии читаем о том, как решался вопрос – подавать в суд или нет, то видим, что тогда разворачивалась как бы сцена, на которой Уайльд пытается проиграть то, что было много лет назад, защитить честь и достоинство себя, своей матери. Такое переплетение треугольника – отец, мать и он, и в актуальном – отец Альфреда, Альфред и он. И Уайльд не может не повторить ту травму, которую он в десятилетнем возрасте испытал.

Я привела этот пример с судом и провела параллель с «Гамлетом», чтобы показать, как много факторов может влиять на жизнь человека, на формирование его психического функционирования. И как неожиданно может проявиться то, что было давно и на первый взгляд не имеет отношения именно к самому человеку. Как говорил Рене Руссийон, нарциссическая проблематика может быть как часть большого комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грин А.* Нарциссизм и психоанализ: вчера и сегодня / Пер. с фр. А. Коротецкой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2. Вып. 3. С. 5–51.
2. *Руссийон Р.* «Символизирующая функция объекта» // Французская психоаналитическая школа / Под редакцией А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005.
3. *Элман Р.* Оскар Уайльд: Биография / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012.
4. *Green A.* Hamlet et Hamlet: Une interprétation psychanalytique de la représentation. Bayard (2003).

The Fate and the Death of Oscar Wilde

L. V. Korotkova

Korotkova Lyudmila V., psychoanalytic psychologist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, member of the Association of Specialists in Psychoanalytic Psychosomatics (ASPP), Secretary of the ASPP.

The generally accepted view of the researchers of Oscar Wilde's life is that the writer became a victim of those legislatively approved norms in society that limited a person as a person. In the article, the author makes an attempt to psychoanalytically comprehend the biography of the writer, and, relying on the concepts of modern psychoanalytic theory, to show that Oscar Wilde's fate was determined by such factors as mental functioning, transgenerational history, etc. human contradictions.

Keywords: Oscar Wilde, aestheticism, omnipotence of thinking, narcissistic perspective, Andre Green, "The Portrait of Dorian Gray", Hamlet, trial.